

ОФИЦЕРСКАЯ ЧЕСТЬ

ЮРИЙ
ТОРУБАРОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Юрий Торубаров
Офицерская честь

«ВЕЧЕ»

2015

Торубаров Ю. Д.

Офицерская честь / Ю. Д. Торубаров — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Исторические приключения (Вече))

1799 год. Французские войска под предводительством генерала Бонапарта совершают победоносный Египетский поход. Но в разгар боевых действий из Франции приходят плохие вести, и Бонапарт срочно уезжает в Европу – навести порядок в родных пенатах. Однако политическая ситуация складывается таким образом, что будущему императору поневоле приходится выступить сначала заговорщиком и узурпатором, а затем начать долгую и жестокую войну за господство на континенте...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юрий Торубаров

Офицерская честь

© Торубаров Ю. Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Глава 1

Бонапарт проснулся и открыл глаза. В комнате было еще темно, но по радостному гомону птиц, который доносился в раскрытое окно, выходящее в сад, было понятно, что на востоке уже забрезжил рассвет. Генерал чувствовал себя хорошо выспавшимся, поэтому не стал разлеживаться, а легко вскочил и подошел к окну. На него повеяло прохладой и утренней свежестью.

«Был дождь», – подумал он и, быстро одевшись, поспешил к выходу, чтобы насладиться этим воздухом в полной мере.

Он прошел на конюшню. Его Марс, почуяв хозяина, издал радостное ржание. Бонапарт подошел к коню, потрепал гриву. Конь ткнулся мордой в лицо хозяина. Бонапарт рассмеялся: – Баловник! – и поцеловал его в лоб.

Накинув узду, он вывел его из стойла и набросил седло.

Это был прекрасный арабский скакун, белоснежный, как лепесток ромашки. Тонкие стройные ноги делали его выше, чем он был на самом деле. А маленькая аккуратная головка с лиловыми блестящими глазами говорила о породе животного. Да разве мог Эльфи-бей подарить другого коня победителю, хотя и далекого, но грозного австрийского императора. Он и свой дворец на площади Эзбекия отдал в полное его распоряжение. Бонапарт принял это предложение, руководствуясь тем, что дворец был на краю города, а хорошие отношения с начальником отрядов малемонов давали прямую выгоду – он из врага превращался в друга. Не без его помощи он установил добрые отношения с улемами и шейхами этой страны, которые помогали ему управлять Египтом.

Марс шел резво. Седок чувствовал, что конь застоялся и не придерживал его. Свежий ветер, принесенный с моря, бил в лицо, трепал челку, обнажая высокий, надвинутый на глаза, лоб. От этой прохлады было приятно всему телу. Он расстегнул рубашку почти до самого конца, подставляя грудь живительным струям.

Скачка продолжалась довольно долго. Она радовала седока, заставляя забыть на мгновение все заботы. Наконец, когда Марс стал сдавать, Бонапарт, придерживая его и наклонившись над его ухом, поглаживая шею, произнес:

– Ты, брат, устал, а я нет. Но так и быть, поедем шагом.

Во дворце генерала уже ждали. У крыльца стоял его адъютант Жуибер, который принял у соскочившего с коня Бонапарта узду, чтобы отвести лошадь в конюшню. – Дайте ему овса, да побольше.

Тон у генерала был приподнятый, в нем чувствовалось хорошее настроение. Проходя мимо дежурившего лейтенанта, генерал, что редко с ним бывало, спросил, приостановившись:

– Как самочувствие, Винаш?

– Прекрасное, – шелкнул каблуками офицер.

– Отлично! – он уже хотел было продолжить путь, но его взгляд скользнул по столу. На нем лежала странная кипа газет. Может быть, она и не привлекла бы внимания Бонапарта, если бы ему не бросился в глаза напечатанный крупными буквами кричащий заголовок: «Убийство генерала Жубера». Этого генерала он знал, поэтому сообщение поразило его.

– Кто принес? – быстро спросил Бонапарт, пытливым взглядом глядя на лейтенанта серо-голубыми глазами.

– Сулейман, господин генерал.

Сулеймана все знали. Это был очень услужливый средних лет араб. Что бы ему ни говорили, он всегда в ответ только улыбался. Как-то незаметно он вкрался почти всем в доверие.

– Их, – кивнул Наполеон на газеты, – ко мне на стол.

Лейтенант понял, что что-то испортило настроение генералу: уж больно строг стал голос. Бонапарт быстро позавтракал и поспешил к себе в кабинет. И сразу же принялся за газеты.

Чем больше он их просматривал, тем сильнее хмурилось его смуглое лицо и загорались яростью глаза.

Через какое-то время офицер услышал, что в кабинете раздались громкие шаги. Но дверь не открывалась. И Виношу стало ясно, что генерал не в духе. В этот момент вдруг резко зазвонил звонок. По его звуку Винаш знал, какое у хозяина настроение. Если плавный, нежный звон, Бонапарт доволен, если резкий – беги стрелой.

– Слушаю, господин генерал! – встал перед ним Винаш.

– Адмирала Гантома и генерала Клебера – ко мне.

– Но, господин генерал, генерала Клебера...

– Ах, да, – перебил его Бонапарт.

Он вспомнил, что Клебер на переговорах с Али-беем.

– Я оставляю на него приказ. Идите. Выполняйте.

Оставшись один, он стал размышлять. Прежде всего, он был просто поражен тем, что узнал из газет.

– Все мои итальянские завоевания уничтожил русский генерал Суворов. Как они могли это позволить, эти несчастные адвокатишки? Почему не вызвали меня? Боятся? Чего боятся?

Он подошел к окну. В саду у фонтана расположился гарем Эльфи-бея. Увидев женщин, Бонапарт резко задернул штору и медленно пошел к столу. В голове зародилась другая мысль: откуда взялись эти газеты? Откуда? И сам себе ответил: «Это дело рук адмирала Смита. Другого варианта просто нет. Если бы пришел наш корабль, мне бы это сразу стало известно. Значит... Смит. Но для чего? Для чего?» И тут он нашел ответ:

– Он хочет выманить меня. Значит, он со своим флотом будет ждать... Где? Думаю, он выберет для наших кораблей самый короткий путь, чтобы нам поскорее попасть во Францию. Нет, Смит! Дудки! Тут ты просчитаешься.

В это время на пороге появился адмирал Гантом. Был он не молод. Об этом говорили седеющая голова и такая же аккуратно постриженная борода. На щеках появились первые признаки дряблости. Но глаза сохраняли молодость, в них горел огонек интереса к происходящему.

– Что случилось, мой генерал? – подходя к Бонапарту, спросил адмирал, стараясь заглянуть в его хмурое лицо.

– Катастрофа!

Он подошел к столу и показал на газеты.

– Прочитайте и вы поймете, что Франция стоит на краю гибели.

Адмирал переложил пару газет. Потом, посмотрев на Бонапарта, спросил:

– Как они к вам попали?

Бонапарт натянуто улыбнулся:

– Я считаю... их прислал ваш коллега... адмирал... – он не стал договаривать, а посмотрел в глаза адмиралу.

– Смит! – догадался Гантом.

– Больше никому.

– И, как я... понимаю, генерал, что нам надо готовиться к отплытию?

– Вы правильно понимаете!

Адмирал задумался, потом, склонив голову, спросил:

– А не готовит ли он нам ловушку?

Бонапарт усмехнулся одной стороной лица:

– Думаю, готовит.

– А мы? – адмирал смотрит на Бонапарта.

– Мы? Мы с боем прорвемся! – Бонапарт хитро посмотрел на адмирала.

Ответ генерала его не удовлетворил, это было видно по его расстроенному лицу.

– Шучу! – Бонапарт живо сел в кресло, жестом предлагая Гантому сделать то же самое. – Мы его обхитрим.

Адмирал еще не понял, на что надеялся генерал. Бонапарт подошел к столу, оперся на ручку кресла: – Он ждет нас на коротком пути, а мы пойдем вдоль берега до мыса...

– Бон, – подсказал адмирал, разгадав задумку Бонапарта. И продолжил: – потом вдоль Сардинии и до...

– Корсики, – закончил Бонапарт.

Они дружно рассмеялись.

– Какие суда думаете взять? – спросил Бонапарт.

Адмирал заворочался в кресле. Провел по сухим губам языком. От Бонапарта не ускользнуло не замеченным это движение. Он поднял колокольчик. Дверь тотчас открылась. – Вина! – приказал генерал.

Вскоре появилось легкое бургундское. Адмирал с удовольствием осушил бокал. Обтерев рот, он сказал:

– Выбора у нас особого нет. Думаю, пойдем... да, сколько вы хотите взять с собой человек?

Бонапарт на мгновение задумался.

– Охрана... человек... двести, ну и нас с десятком.

Адмирал крякнул.

– Думаю... обойдемся «Мюироной» и «Каррэрэ». Возьму еще две быстроходных щебеки. Так... на всякий случай.

Наполеон понял его и кивнул в знак согласия головой.

– Тогда я, пожалуй, пойду.

– Идите. Только, адмирал, все пока между нами.

– Генерал! – это было сказано таким тоном, что без слов было понятно: «Кого вы предупреждаете».

После ухода адмирала Бонапарт вызвал к себе генерала Бертье. Многие, глядя на этого человека, не понимали Бонапарта.

– И что он нашел в этом чудовище?

На вид это было грубое неказистое создание, небольшого роста, с непропорционально огромной головой. К тому же он был весьма невоспитан. Постоянно грыз ногти. Но мало кто знал, что он мог работать по 20 часов в сутки, а если надо, и все сутки. Материалы всегда представлял к сроку и весьма грамотные, которые не надо было поправлять или что-то изменять. Вот с ним-то Наполеон и стал обдумывать все детали, которым всегда уделял большое внимание. Он всегда говорил, что в никаком деле нет мелочей. Из-за них гибнут большие дела. Затем он пригласил к себе генерала Мена. В отсутствие Клебера он обсудил с ним финансовые вопросы, указал источники получения денег.

Время перевалило далеко за полдень. В кабинете стало душно, и Бонапарт предложил Мену пройтись по берегу. Генерал понял, что главнокомандующий хочет лично убедиться, как идет подготовка к отплытию. По пути между ними завязался разговор. Все, что таилось внутри Бонапарта, вылилось наружу. Его сильно возмущало положение во Франции и за ее пределами. Ситуация везде была катастрофической. Он произнес фразу, недавно сказанную самому себе:

– Генерал, я тороплюсь в Париж, чтобы разогнать это сборище адвокатов, которые издеваются над нами и не способны управлять государством...

Бонапарт входил в азарт, разбирая по косточкам многих государственных деятелей, которые, по его мнению, не могли руководить не только государством, но не справились бы даже с работой извозчика!

Его тираду перебил Мен, показывая рукой на Нил, в водах которого на всех парусах удалялся в открытое море какой-то корабль. Бонапарт не был моряком и никогда не говорил, что знает морское дело. Но этот корабль он узнал.

– Это английский бриг, – сказал он, и лицо его посуровело, – пришел убедиться, что мы собираемся к отъезду! Куда смотрит наш адмирал? – возмутился он. – Теперь понятно, как к нам попадают газеты. Кстати, Мен, неплохо бы проверить, – он остановился и посмотрел на генерала, – этого Сулеймана, разносчика газет. Мне кажется, что это весьма подозрительная личность.

– Хорошо, мой генерал, я займусь...

Что-то помешало Мену заняться расследованием. Вскоре от руки этого услужливого человека погибнет генерал Клебер, в которого Мен вонзит кинжал.

Бонапарт кивнул головой и на какой-то момент они замолчали. Каждый думал о чем-то своем. Первым молчание нарушил Мен:

– Не отложить ли выход? – спросил он.

Бонапарт резко повернулся:

– Ни в коем случае! У меня есть вариант, который Смит даже вообразить не может.

24 августа, поздно вечером, от побережья Нила четверка кораблей с потушенными огнями отправилась в свое рискованное путешествие. Бонапарт почти все световые дни проводил на палубе. Дав приказ адмиралу держаться как можно ближе к берегу, он оставался на палубе и, скрестив руки на груди, задумчиво смотрел в даль. О чем он думал? Может быть, о том, что ему есть что сказать французам о своем пребывании в Египте, где прожил шестнадцать месяцев? За это время он овладел Мальтой, завоевал Нижний и Верхний Египет, уничтожил две турецкие армии, пленил их командующего, захватил богатые обозы, полевую артиллерию, опустошил Галилею и Палестину. Вот только Акр... Два месяца длилась осада крепости, но все было бесполезно. И все из-за этих чертовых англичан. Сидней Смит руководил обороной. С моря осажденным подвозились припасы и оружие. Обстреливались французские войска. Сколько ни просил он помощи у Конвента, чтобы прислали флот отогнать англичан и осадные орудия, все было бесполезно. И 20 мая 1799 года ему пришлось снять осаду и отдать команду о возвращении в Египет. Это была его первая неудача. Он долго не мог ее забыть. До Абукира, где с помощью все тех же англичан высадилась 15-тысячная турецкая армия под руководством Мустафы-паши. Мустафа был осторожным, осмотрительным человеком. Узнав, что основные силы французов находятся от него на расстоянии более 100 миль, стал готовиться к наступлению. Высадка удалась, находившийся поблизости отряд генерала Клебера был окружен. Силы были неравны, и Клебер понял, что ему грозит полное уничтожение. Нужна была срочная помощь. Он послал своего лазутчика. Появление французов было как снег на голову.

Узнав о высадке турок, Бонапарт с небольшим отрядом в несколько тысяч человек сверхбыстрым броском оказался перед врагом. От неожиданности те не смогли оказать достойного сопротивления. Пехота французов пробилась сквозь тройную линию наспех организованной обороны и разрознила турецкие силы. Подоспевший со своей конницей Мюрат окончательно добил турок, пленив пашу и его штаб. Это была блестящая победа и спасение генерала Клебера. Но Акр... Акр тяжелым воспоминанием лежала у него на сердце.

Медленно, но неотступно, день за днем, пробиралась эта маленькая флотилия к своей цели. Вот они достигли заветный мыс, от которого рукой подать до Сардинии... Вскоре и она осталась за кормой. Впереди маячила Корсика. Восьмого октября, когда корабли находились в 8 лье от Тулона, на море надвинулся густой туман. Один из матросов заметил, что они находятся рядом с какими-то кораблями. Это, как оказалось, была английская эскадра адмирала Брюи. Бонапарт и Гантом немедленно оказались на палубе.

– Генерал, – чуть не истерически воскликнул адмирал, – надо немедленно возвращаться!

– Ни в коем случае, – хладнокровно произнес Бонапарт, – идите на врага! Иначе они вас заметят!

А в голове его пронеслось: «Умны, правильно рассчитали...» Как оказалось, решение Бонапарта было и талантливее, и удачнее. 9 октября на рассвете корабли зашли в залив Фрежюс. Когда загремели якорные цепи, известившие, что путешествие закончилось благополучно, к Бонапарту подошел адмирал. Сняв головной убор, он платком обтер вспотевший лоб.

– Ну, генерал... – выдохнул он.

И в этих словах слышалось глубокое восхищение и даже больше – преклонение перед этим худеньким корсиканцем.

Итак, Бонапарт прибыл на берег Франции. Что его ждет? Этот вопрос мучил не только его. Когда шлюпка, шурша о прибрежную гальку, уткнулась в берег, сердце железного главкома дрогнуло, хотя лицо оставалось неподвижным. Поставив ногу на сушу, он на мгновение задержался. О чем думал он в эти минуты? Может быть, вспомнились серые, влажные стены крепости Форт-Карре, что около Антиба, где ему пришлось провести некоторое время, живя в ожидании сурового приговора? У этой власти головы летели, как кочаны капусты. Или вспомнился мощный людской поток, подобный тому, который смел Людовика XVI? Но воля этого человека отменяла все колебания, и он решительно двинулся вперед.

Глава 2

Париж, как и вся Франция, жила в это время под одним лозунгом: «Мы хотим такой режим, при котором едят». За два года после переворота, когда к власти пришла Директория¹, обещав создать процветающее общество и изменив для этого существующее законодательство, по сути, ничего не было сделано. Она показала свою слабость и в другом – потере Италии, которую отнял у французов Суворов, лишив страну получения дешевого сырья, что привело к безработице и ухудшению положения народа.

И неожиданно, по семафорному телеграфу Шаппа и Иньяса, было получено сообщение о высадке во Фрежюсе Наполеона Бонапарта. Это был удар среди ясного неба. Глава Республики Баррас, получивший это известие, растерялся. Он довольно хорошо знал Бонапарта, его ум, решительность. Судьба свела их шесть лет тому назад, когда роялистам в Тулоне удалось свергнуть революционную власть и призвать на помощь англичан. Пример мог стать заразительным, и Конвент поспешил уничтожить эту «заразу».

Началась осада, которой руководил некий Карто. Но она шла вяло, Конвент стал нервничать и направил туда своих комиссаров, среди которых оказались Огюстен, брат Робеспьера, Баррас и Саличетти. Последний, между прочим, был земляком Бонапарта. А о Бонапарте, этом артиллерийском офицере, они знали только по его памфлету «Ужин в Боккере», где высмеивались попытки роялистов вернуться к власти. Он многим понравился, в том числе и Огюсту. Судьба привела молодого капитана Бонапарта, который готовил, а потом сопровождал обоз с порохом в Боссе, где находился штаб осаждавших. Зная, что там был земляк, он решил его навестить. Находясь вблизи от военных действий, грамотный артиллерист не мог не поинтересоваться ходом осады. Как и Конвент, который прислал сюда своих комиссаров, он знал, что осада идет из рук вон плохо. Побывав на месте, он воочию убедился в главной ошибке осаждающих, которая позволили английскому флоту оказывать эффективную помощь осажденным. И у него созрел смелый план, как исправить положение. Разыскав своего земляка, он рассказал ему о своих соображениях. Выслушав его, Саличетти пригласил других комиссаров, среди которых и был Поль Баррас.

Главное предложение капитана заключалось в захвате мыса Мон-Кэр, что позволило бы изолировать тулонцев от моря, но командующий Карно был категорически против, ссылаясь на то, что это погубит много людей. Пока судили, рядили, англичане, поняв значение этого мыса, заняли его сами. Комиссары начали борьбу за то, чтобы сместить командующего, а талантливого капитана решили задержать, назначив его начальником артиллерии с широкими полномочиями. Он сразу принялся за дело, приказав Мюрату забрать пушки из Саблона. Стал готовить передовые отряды. Только приход третьего командующего и вмешательство Конвента позволили Наполеону осуществить его план. Он построил огневые позиции против форта Мальбуске и на мысе Л'Эгийет, что позволило отогнать англичан. Но над всем господствовал еще форт Малгрейв, к которому просто невозможно было подобраться. Тогда Бонапарт приказал найти триста мешков, подобрать такое же количество крепких солдат. Орудийные оси приказал обильно смазать жиром, чтобы они не скрипели. Всем солдатам, участвовавшим в операции, лица повязали платками, чтобы нечаянно чих или кашель не привлек внимания противника. Глубокой ночью в день начала осады под его личным руководством была возведена батарея против коварного форта. Когда забрезжил рассвет и можно было навредить орудия, началась осада Тулона. Две колонны, двинувшиеся на штурм, не смогли одолеть противника. В ответственный момент, когда решалась судьба сражения, Бонапарт лично повел в бой третью колонну, которая решила исход борьбы. Тулон пал. Бонапарт захватил в плен

¹ Директория – верховная исполнительная власть республики.

О'Хара, британского главнокомандующего. Победа была полной. Очень ярко об этом написал в столицу Огюстен Робеспьер. Командующий Дюгомье тоже доложил об этом в Париж, отметив личную заслугу Бонапарта. Столица ликовала. Опасность распространения «заразы» была ликвидирована. Бонапарт за это получил звание генерала, а у Барраса, как и у других комиссаров, поднялся авторитет, который в будущем помог Полю занять высшую ступеньку в созданной Директории. Тогда, паря на крыльях победы, Баррас поделился о происшедшем (потом он не раз об этом пожалел) со своим новым другом, пылким революционером Шарлем Морисом Талейраном-Перигором. Он взалхлеб нахваливал талант молодого корсиканца, который обошел многих заслуженных генералов. Этот разговор крепко засел в памяти Перигора. У него были свои далеко идущие планы, и он считал, что не хуже, если не лучше Барраса, справился бы с его положением.

Баррас позже инстинктивно почувствовал эту опасность и, подбирая состав директоров, он не включил туда Талейрана, обладателя острого, блестящего ума, отделившись назначением его министром иностранных дел.

И вот... только что изобретенная семафория принесла для некоторых страшную весть: Наполеон самовольно возвращается в страну. Для чего? Кто позволил? Что делать? Последний вопрос мучил Барраса сильнее всего. Что-то надо было решать, а что? Арестовать за самовольное оставление армии и отдать под суд? Но... нет! Надо посоветоваться. Но с кем? С этими ничтожными Гойе или Муленом, которых он назначил директорами за их никчемность? Или с этим хитрецом Сийесом? Нет! От него можно ожидать чего угодно, только не нужного совета. А Тайлеран? Кому он обязан своим министерским постом? Пожалуй, пожалуй. Баррас появился на пороге кабинета Тайлерана неожиданно, чем привел министра на какое-то мгновение в замешательство. Он приподнялся и с нескрываемым удивлением на лице посмотрел на неожиданного гостя.

– Ты кого высматриваешь? – подходя к нему и протягивая руку, спросил Баррас.

– Да смотрю, нет ли за вашей спиной солдат и не пришли ли вы за мной, как приходили за Робеспьером.

Это напоминание немного покорило вошедшего, но он попытался отшутиться:

– У меня еще нет достаточных мотивов, чтобы это сделать!

Не остался в долгу и Талейран. Усмехнувшись, он сказал:

– Было бы желание...

Они оба рассмеялись.

Когда-то этот кабинет занимали королевские министры. Это было огромное помещение, выполненное в стиле рококо. Все эти амурсы, русалки, фантастические фигуры ассиметричного исполнения несли в себе дух интимности, комфорта. Тяжелые бархатные шторы добавляли таинственности и как бы звали к открытию души. Много позолоты. Дорогая мебель покоряла своей изящностью и качеством исполнения. Баррас здесь был впервые и, не скрывая любопытства, рассматривал кабинет. Хозяину же не терпелось узнать, зачем пожаловал такой высокий гость. И он подал голос:

– Его делали, чтобы поразить иностранных дипломатов, и те, уходя отсюда, выносили с собой мнение о величии и могуществе Франции.

– Да, – Баррас понял сигнал и, садясь в кресло у отдельно стоявшего столика, дал понять, чтобы Талейран присоединился к нему.

Министр вышел из-за стола и, прихрамывая, подошел к Баррасу.

– Чем могу служить? – усаживаясь и набрасывая больную ногу на здоровую, спросил он. Баррас посмотрел на него, обдумывая, как начать разговор. После минутного молчания, он наконец заговорил:

– Наш общий друг прислал весточку, – сказал он, взяв из подставки перо и начав его рассматривать.

– Вы кого имеете в виду?

– Я имею в виду того человека, за которого вы просили, чтобы отправить в Египетский поход.

Талейран усмехнулся. Ему стало все понятно, но он не подал вида.

– Я помогал ему, считая, что Бонапарт правильно поставил вопрос. Настало время подорвать мощь Англии, наглость которой переходит все границы. Необходимо отнять у нее источники получения дешевых материалов.

У Шарля затекла нога. Он поднялся, сильно прихрамывая, прошелся по пушистому ковру от стола до двери. Вернувшись, оперся о стол и продолжил:

– Я бывал в этой стране и знаю, как они смотрят на нас.

Баррас поморщился. Он пришел сюда совсем с другими намерениями, а не дискутировать по известным проблемам.

– Друг мой, – поднялся Баррас, – не забывайте, что я помогал вам.

Они делано рассмеялись. Поль продолжил:

– А пришел я к вам, зная ваш живой ум, – при этих словах он посмотрел на Шарля.

– Слушаю вас.

– Этот человек, несмотря на свою молодость, многое успел сделать.

– И для вас, – вставил Шарль с улыбкой на лице.

– Для Республики, – поправил его Баррас.

– Помните слова: «Государство – это я».

Они опять рассмеялись.

– Да, не будь его, неизвестно, где бы мы были, и чтобы с нами стало, – несколько растягивая слова, произнес Баррас.

– Что и говорить! – поддержал его Шарль и добавил: – А ведь он, мне кажется, был несправедливо забыт.

– Согласен! – оживился Баррас, – после Тулона нашего героя просто... вычеркнули из жизни.

– Как это случилось? – спросил Талейран, меняя позу и посмотрев на Барраса. А чтобы пояснить причину вопроса, добавил: – Епископ Отенский в это время был в Америке.

Да, Баррас знал, что Шарль, пылкий революционер, аристократ, некогда избрал путь священника. Но вот что заставило его, князя Беневентского, встать на этот путь, он мог только догадываться. Бурбоны, уничтожая самостоятельность многих могучих баронов Франции, все сделали, чтобы подорвать, прежде всего, их экономическое могущество. И, когда представился случай, один из потомков, разоренных Бурбонами, решил с ними посчитаться. Верно это или нет, Баррас не знал, но спрашивать не стал. А на вопрос Талейрана ответил:

– Там, в Тулоне, он сдружился с Огюстоном Робеспьером. Бонапарт, – он впервые назвал его, – предложил начать поход на Италию.

– Смотри, какой у него широкий кругозор!

– Да... Но...

Талейран понял, что эту тему он не хочет раскрывать, так как был участником переворота 9-го термидора. Но Шарль не желал упустить случай и решил показать, что он тоже является носителем тайн тех дней. И сказал за него:

– Да, после казни Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона к власти пришли другие лица, которые схватили и бросили в темницу и героя Тулона.

Наверное, чтобы как-то оправдать себя, Баррас торопливо ответил:

– Это было сделано по доносу того самого Саличетти. – и тут же добавил:

– Я сделал все, чтобы вернуть ему свободу.

Прищурился один глаз, Талейран спросил:

– Но, говорят, он ушел в отставку?

– Не захотел подчиняться...

– Победитель остался без гроша в кармане, – Талейран почему-то рассмеялся.

– Да, жилось ему не сладко. Я нашел его в скромном Шербурском отеле на улице Фурсен-Оноре.

– Интересно... Что-нибудь выпьете? – Шарль неожиданно изменил тему разговора и посмотрел на Барраса. Тот кивнул головой. Министр доковылял до буфета, достал бутылку вина и два фужера. Вино было чудесное. Посмаковав его какое-то время, Шарль вежливо спросил:

– А что дальше?

– Дальше... – Поль усмехнулся. – Измена генерала Мену и двадцать тысяч роялистов против шести защитников Конвента.

– И тогда вы вспомнили о Бонапарте?

– Да.

– А он? – Шарль продолжал пытаться своего гостя.

– Он поставил одно условие: «Я вложу шпагу в ножны только тогда, когда все будет кончено».

– Сразу видно: решительный, бескомпромиссный человек, – вставил Шарль. – Что же он сделал?

Баррас оттолкнулся руками от кресла и подошел к окну, выходившему на площадь, которая была заполнена народом. Видел он ее и другой, воинственной и злой. И это было очень страшно. Посмотрев еще какое-то время, он вернулся на свое место.

– Что же он сделал? – в задумчивости повторил Поль вопрос и сам ответил: – За ночь собрал все пушки, которые были в Париже и окрест, и выставил их на улицах города.

– Каков молодец! – восхитился Шарль.

– Да... Мне рассказали, что Кадудаль, примчавшийся из Вандеи, когда узнал о подготовке защитников Конвента, сказал, что в Париже никто не посмеет стрелять из пушек по народу.

– Какая самоуверенность! – воскликнул Шарль.

– Да, признаться, она их здорово подвела. Когда роялисты, заранее предвкушая победу, двинулись в наступление, загремели пушки. Он их, мерзавец, так расставил, что от его выстрелов некуда было деться. Кто-то решил, что по церкви Бонапарт стрелять не будет, и толпа ринулась на паперть Святого Роха. Но и там его картечь настигла роялистов.

Видимо, Талейрану об избиении этих людей слышать больше не хотелось, и он сказал:

– Все ясно. Конвент был спасен. А... – Шарль замолчал.

– Бонапарт? – спросил Баррас.

Шарль кивнул.

– Что Бонапарт... Этот хмурый, угрюмый человек, который бестрепетно и решительно использовал эту единственную возможность, всех подкупил. Вечером того же дня он был назначен командующим военными силами тыла. Вот так.

– Да, – Талейран пригубил бокал, – интересно, каков он сейчас?

– А что могло его изменить? – спросил Баррас, склонив голову.

Шарль откашлялся в кулачок, достал платок, приложил к губам.

– А Акр! Здесь наш победитель сильно споткнулся, – сказал, а сам, въедаясь глазами в гостя, ждал ответа.

Но вместо него Поль взял фужер, посмотрел в него, словно хотел там прочитать ответ. Ну, разве скажешь министру, что в этом виноват он. Сколько было от Бонапарта просьб прислать флот и артиллерию. Но как он мог это сделать, если страна была под угрозой гибели. Так как хозяин не отвел взгляда, который требовал ответа, то он его получил.

– Что Акр! Крепость не решала никаких вопросов. А кое-кто мог этим воспользоваться и высадить свои войска. Вот и пришлось вернуться, – сказав, Баррас поспешил отвести глаза. В голове Талейрана мелькнуло: «Тут что-то не так. Надо разобраться».

Гость взял бутылку и налил себе вина. Сделав несколько глотков, поставил фужер.

– Вино... прекрасное, – сказал он, платком вытирая губы.

– Дальше все ясно! – сказал Шарль, добавляя: – Завтра газетчики, узнав о его возвращении, опишут каждый шаг нашего победителя.

– Не забудут и тебя, как ты женил его.

Надо было видеть, какими глазами Талейран посмотрел на гостя. Но голос его прозвучал мягко:

– Думаю, наши журналисты умны и не будут писать такую глупость. Кто может что-то навязать такому человеку, – Шарль ехидно улыбнулся и поправил: – Не ему, а ей!

Он-то хорошо знал, кто был истинным виновником той свадьбы, которая отобрала у Барраса самого любимого человека. И только страх за свою власть заставил его сдержаться. Они быстро переглянулись, и их взгляды провозгласили мир.

– Да, – как ни в чем не бывало произнес Баррас, – я хотел с тобой посоветоваться: как ты думаешь, чем мы можем отметить его подвиги? Скажем, даже за Египет.

Тот долго не раздумывал.

– Для такого военного человека, как Бонапарт, лучшей наградой может быть только оружие. Оно всегда будет напоминать о его незабываемых победных днях.

– Как просто, но как верно!

Баррас поднялся, и они, попрощавшись, расстались.

Глава 3

Итак, 9 октября 1799 года после почти полуторагодового отсутствия нога Бонапарта вступила на ставшую родной французскую землю. Никогда ему не было так тревожно, как в это мгновение. Что ждало его? Он услышал биение своего сердца. Оно стало биться еще сильнее, когда показался отряд солдат в сопровождении огромной толпы. Бертье, шедший рядом с огромным портфелем в руке, не без страха посмотрел на генерала. Но лицо того было до удивления бесстрастным. Он шел навстречу размеренным шагом. Но впереди что-то случилось. Стройные ряды солдат расстроились, и они, слившись с толпой, с криками, ринулись навстречу. До ушей прибывших донеслось:

– Да здравствует Наполеон! Да здравствует Бонапарт! Слава победителю! Слава спасителю Франции!

Так встретили его во Фрежюсе. Сопровождавшие были настолько поражены, что не знали, что делать. Того и гляди, люди поднимут генерала и на руках понесут его по дороге. Такая встреча не только обрадовала, но и придала ему решительности.

Вернувшись к себе, Баррас приказал собрать членов Директории. Когда они уселись в кресла, полукругом стоявшие перед столом Поля, он их оглядел, как будто видел в первый раз. Вот справа от него Гойе, с круглым одутловатым лицом, на котором застыла низжайшая покорность, и блестящей лысиной. Рядом с ним Мулен – крупные черты лица, толстый ноздрястый нос, как у лошади. И хотя его физиономия никакого сходства с Гойе не имела, но душонка была под стать ему. Одним словом, ничтожества. Не лучше и Роже-Дюко. Вот Сийес с лицом римского легионера, который смотрит на мир глазами хищной пантеры. Человек сам себе на уме и не хочет иметь никаких дел с этой компанией помощников. И сидит в стороне ото всех.

– Господа, – осмотрев присутствующих, сказал Баррас. – Я хочу вас обрадовать... – он замолчал, в душе наслаждаясь, как почти все эти директора, точно ученики, взирали на него, словно на божество. Разве что Сийес демонстративно отвернулся и смотрит в окно. Выдержав паузу, выдал: – Наполеон высадился в Фурже и двигается к Парижу.

Сообщение их ошеломило.

– Как высадился? Кто позволил? Где он сейчас?

– Что будем делать?

Баррас поднял руки и призвал к порядку.

– Высадился он вчера. Думаю, через два-три дня он будет в Париже.

– Арестовать! – вскочив, заорал Гойе.

– За что? – тихо спросил за его спиной Сийес.

– За то, что бросил армию! – оглянувшись, завопил тот.

Усмехнувшись, Сийес поднялся:

– У меня, Поль, такое предложение: давайте сообщим Совету пятисот. Посмотрим, как они отреагируют.

Похоже, предложение его принималось. Никто не возражал. Тогда Баррас спросил:

– Кому поручить ехать туда?

Опять подал голос Сийес:

– Зачем нам ехать? Вы знаете их настрой. Пошлем сообщение на листе бумаги. И все.

Баррасу предложение понравилось. Он ожидал, что они назовут его. А там... начнутся вопросы, издевки... Нет, правильно! Пошлем бумагу. Проголосовали.

– А мы его будем принимать? – приподнявшись, спросил Мулен.

Баррас не успел ответить, как подал голос Сийес:

– А как же. И подарок нужно сделать!

Было непонятно, не то он это сказал с издевкой, не то действительно сделал предложение. Баррас решил принять второе и объявил:

– Я думаю, это будет... правильно. Только что имел в виду господин Сийес?

– Я имел в виду богатый перстень из королевских сокровищ.

Баррас поморщился. Этого он делать не хотел, и так много разных разговоров.

– Я думаю, в части подарка Сийес в принципе прав. Хотя я человек и не военный, но мне думается, для военного оружие будет лучшим подарком.

Спорить никто не стал, тем более, что Баррас объявил, что он лично сейчас поедет в Мануфактуру Клингенталь, где в Версальской мастерской «Братья Коло» выберет подходящее оружие.

– Не забудьте потом представить ценник, – съехидничал Сийес.

Баррас неприязненно посмотрел на него.

Подписав бумагу в Совет, Баррас отправился к братьям Коло. Хотя в мастерской кого только не было, все же появление главы государства всех удивило. Давненько их никто не баловал, а тут такой человек. Старший брат, выслушав директора, провел его в кладовую, где хранилось готовое оружие, и показал ему одну саблю. Это была офицерская легкая кавалерийская сабля, булатной стали, вороненая. Украшена серебром, чеканкой, позолотой. Ножны из темной кожи, тоже украшены позолотой, серебром, шитьем, ковкой. Оружие Баррасу понравилось, и он попросил счет.

– Мы отдаем его даром и к вашим поздравлениям прибавляем свои. Мы верим, что Бонапарт еще возвеличит Францию.

Баррас улыбнулся покоряющей улыбкой. Но в душу словно кто-то плюнул, когда подумал о себе: «Значит, я не могу прославить Францию». Любезно попрощавшись, он возвращался к себе. И не узнал Парижа. А произошло следующее: когда Директория уведомила Совет пятисот, как было сказано в бумаге, «с удовольствием, что генерал Бонапарт вернулся во Францию и высадился у Фрежюсе», зал заседания невозможно было узнать. Поднялась неистовая буря рукоплесканий, радостные крики, вопли восторга. Все Собрание народных представителей встало и долго выкрикивало приветствия. Когда, наконец, депутаты уgomонились, вышли на улицу, и народ узнал о полученном сообщении. Столица внезапно как бы сошла с ума от радости. Везде: в театрах, в салонах, на улицах и домах повторялось имя Бонапарта. А к этому времени в Париж стали поступать известия о неслыханных встречах, которые оказывались генералу населением, начиная с юга. В Париже войска гарнизона вышли из казарм и с музыкой прошли по улицам города.

Ни Бонапарт, ни сопровождающие его лица не могли себе представить такую внезапную и грандиозную манифестацию в его честь. Все это укрепляло уверенность в правильности принятого им решения. Увидев такой небывалый настрой, в Париже зашевелился политический муравейник. Многие стали копаться в своей памяти, в поисках когда и какие услуги оказали генералу. К сожалению, таких было немного. Одним из них оказался Талейран. Да, почувствовав в нем восходящую звезду, он помогал ему организовать военный поход в Египет. Но главной своей заслугой Шарль считал другое. Это он помог ему найти женщину его мечты. При этой мысли он улыбался: перспективный генерал – его должник, а мерзавец Баррас, который не захотел его взять одним из директоров, наказан.

– Но... – остановил себя Талейран, – ставя все на карту, неплохо бы убедиться, что она не будет бита.

Ему захотелось более подробно разобраться в восходящей французской звезде. Не дай бог, будет перебор. Шарль не ошибся и в другом, когда в разговоре с Баррасом сказал, что газетчики все вывернут наружу. Так и случилось. Уже к вечеру газеты пестрели такими заголовками:

«Генерал успешно шествует по новому “Карнизу”»², «Слава победителю Держанто!», «Слава победителю Виктора-Амедея!», «Мы помним победу под Лоди», «Слава победителю Вурмзера и Альвинцы!» Газеты с такими заголовками кипами ложились на стол Барраса. Заголовки напоминали ему, как и многим другим, блестящие страницы недавней истории Франции, творимые Бонапартом! Кто-кто, а Баррас хорошо помнил, как вел себя победитель монархического мятежа 13 вандемьера. Внутренний враг был разбит, но положение Франции не становилось более спокойным. Ей по-прежнему угрожала, может быть, даже сильнее, чем внутренние враги, старая коалиция, в которую входили: Австрия, Англия, Россия; королевства: Сардиния, обеих Сицилий, Бавария, Вюртемберг и другие. И эта угроза не давала спокойно жить. И обе стороны готовились к решительной схватке.

Стратеги считали, что главным театром военной кампании будет западная и юго-западная Германия. Там французы под руководством генерала Моро готовили армию, отдавая ей все. Бонапарт же, вопреки мнению военных светил, стал настаивать на организации вторжения из южной Франции, где Директория, на всякий случай, держала армию, хотя про нее и говорили, что «это сброд вперемежку с оборванцами». Ей отводилась роль пугала для австрийцев. Это предложение Бонапарта было хорошо тем, что заставило венский двор раздробить свои силы, отвлечь внимание от предстоящего главного театра военных действий. Так как к этой армии относились «наплевательски», то, по существу, там не было и главнокомандующего. Баррас вспомнил, как к нему пришел Лазар Карно, член Директории, и предложил на эту должность Бонапарта. Сегодня Баррас кусал себе губы, что сам не сделал этого, а потом, одумавшись, стал утверждать, что это было... его предложение. Вспомнил он и другое: Бонапарт принял предложение и уже на третий день после женитьбы на любимой женщине выехал к армии. «Да, женитьба! И кто это так ловко подстроил, что он так быстро получил такую женщину. Не иначе Шарль... Перигор... ловкач. Нет, хорошо, что я его не взял к себе». Баррас никак не мог забыть обиды. Но и винить Бонапарта не хотел, откуда он мог знать... «Да он и меня спас, нет у меня на него зла. Однако каков молодец! Рвался Бонапарт к настоящему делу. И нужно сказать, оно ему удалось».

Воспоминания нахлынули на него: и его донесения, и работа комиссий, рассказы очевидцев. Ему говорили, что не успел Бонапарт приехать, как узнал, что накануне один батальон отказался выполнять команды, так как был раздет и разут. Это случилось потому, что солдаты видели повальное воровство, от которого они так страдали и с которым никто не боролся. Новый главнокомандующий сделал войскам смотр. То, что он увидел, его ужаснуло. Грязные, раздетые, босые, голодные. О какой дисциплине могла идти речь? Пройдя молча вдоль строя, всматриваясь в озлобленные лица солдат, он вдруг повернулся к сопровождавшей его свите и скомандовал громко, четко, властно:

– Интендант, ко мне!

Разваливающейся походкой вышел крепыш: морда лоснится, сам в новеньком мундире. Подошел к генералу.

– Слушаю вас, – небрежно бросил он.

– Что это? – показывая на голые ноги бойцов, грозно спросил Бонапарт.

Тот или для издевки или настолько он был умен, не без насмешки ответил:

– Хм, пальцы!

Наполеона взорвало. Сдерживая себя, он тихо, но твердо сказал:

– Вверенной мне Директорией властью я приговариваю вас – вора, жулика, мерзавца, к расстрелу!

С того миг слетела вся спесь. Он присел от испуга. Видать, не ожидал такого оборота. Привык к безвластию.

² «Карниз» – приморская горная гряда Альпийских гор. (Примеч. ред.)

– Капрал! – Бонапарт повернулся к строю, который вдруг встал по стойке смирно. – Взять пять человек и немедленно привести приговор к исполнению.

Все произошло так быстро и стремительно, что никто не успел опомниться, как прозвучали выстрелы. Но этим дело не кончилось. Он тут же назначил преемника, приказав за неделю навести порядок, а перед солдатами произнес короткую речь:

– Солдаты! Вы голодны и раздеты. Правительство должно вам много, но не может ничего дать, а если дает, то таких, – он кивнул на труп, – что все растаскивают. Больше они не посмеют этого сделать. Ваше терпение и храбрость, проявленные среди этих скал, восхищают. Но они не приносят вам славы – даже отблеск ее не падает на вас. Я поведу вас в самые плодородные земли, богатые провинции, роскошные города – все будет в ваших руках. Вам ли занимать смелости и выносливости...

Давно уже эти горы не слышали такого восторженного, такого громового, дружного и потрясающего: «Веди! Слава Наполеону! Слава! Слава!» На глазах свиты произошло невозможное. Вдруг этот сброд, эти бандиты стали... солдатами! Да...

Понять-то они поняли. Но вот признавать 27-летнего Бонапарта своим начальником им казалось просто оскорбительным. Такие начальники отдельных частей, как Массена, Серрюрье, Ожеро и другие, охотнее бы подчинились старшему или более заслуженному, вроде Моро. Дело, говорят, однажды дошло до того, что Ожеро, этот великан с орлиным носом, очень дерзко ответил маленькому Бонапарту. Тогда тот, снизу вверх глядя на высокого Ожеро, сказал ему довольно внушительно:

– Генерал, вы ростом выше меня как раз на одну голову, но если вы будете грубить мне, то я немедленно устраню это отличие.

По той решимости, с какой Бонапарт расправился на его глазах с интендантом, тот понял, что он, не колеблясь, приведет это в исполнение. Сам Бонапарт доносил ему в Париж очень коротко: «Приходится часто расстреливать». Сообщал это без всяких пояснений.

Ни в Париже, ни в Вене, никто не ожидал, что Бонапарт так быстро начнет свой первый поход. Причем путь он выбрал самый трудный, о котором никто не мог бы и подумать. Он повел свои войска через Альпы по самой короткой и опасной дороге, по знаменитому «Карнизу» приморской гряды Альпийских гор под пушками английских кораблей. Причем с первых дней своего командования он обнаружил доходившие до дерзости смелость и презрение к личной опасности.

Путешествие по «Карнизу» прошло благополучно, и Бонапарт очутился в Италии. Перед ним стояли австрийские и пьемонтские войска. С ходу, не раздумывая, пока противник придет в себя, он обрушился на австрийцев. Сражение произошло у Монтенотте и завершилось полным разгромом австрийской армии под командованием генерала Держанто.

Дав самый короткий отдых солдатам, он обрушился на пьемонтцев. Битва произошла при Миллезии и тоже закончилась победой Наполеона. Вскоре король пьемонтцев Виктор-Амедей запросил мира. Мир был подписан на жестких для него условиях.

Франция ликовала. Такого давно не было. Теперь можно было бросить свои силы против других австрийских армий. Десятого мая произошло знаменитое сражение под Лоди. Самый ожесточенный бой завязался у моста, который переходил из рук в руки. Мост остался за австрийцами, которые усилили его оборону двадцатью орудиями. Французские солдаты боялись идти дальше. И вдруг они увидели, что вперед со знаменем в руках пошел... их главнокомандующий. Первым из гренадер поднялся Морис Жерю. Вскоре весь батальон, опережая генерала, ринулся вперед. Атака была такой стремительной и яростной, что австрийцы бежали, побросав знамена, пушки, раненых. Преследование продолжалось. Оно задержалось лишь на одно мгновение. Перед строем Морис Жерю за храбрость был произведен в лейтенанты. Бонапарт преследовал врага так стремительно, что 15 мая вошел в Милан, написав в Париж: «Ломбардия принадлежит Французской республике».

Но и это его не успокоило. Бонапарт решил взять Мантую, самую сильную крепость в Европе. Австрийцы послали на помощь Мантуе 30-тысячную армию под командованием дельного и талантливого генерала Вурмзера, который по очереди разбивал посылаемых Наполеоном генералов. Тогда навстречу ему двинулся сам Бонапарт.

Они встретились под Кастильне, где австриец потерпел полное поражение, а спасся только тем, что бежал и заперся в Мантуе. На выручку Вурмзера австрийцы послали новую армию под командованием генерала Альвинци.

Собрав все силы в кулак, Бонапарт выступил навстречу. Битва произошла при Арколе. Одним из важнейших объектов был Аркольский мост. И здесь Бонапарт поступил, как при Лоди. Сам со знаменем в руках пошел в атаку. Альвинцы были разбиты и отброшены. Наполеон вернулся к Мантуе. Крепость пала.

После этой победы Бонапарт пошел на север. Австрийцы выслали против него своего лучшего полководца – Эрцгерцога Карла. Но и он в сражениях был разбит и отброшен к Бреннеру. В Вене поднялась паника: «Ганнибал у ворот!», «Бонапарт в Тироле!», «Бонапарт завтра будет в Вене!»

Австрийский двор понял опасность (когда еще это было!) и император Франц просил начать мирные переговоры. Франция редела от радости, от ощущения своей значимости. Имя Бонапарта стало греметь по всей Европе.

Бонапарт, не ожидая, пока раскачается Директория, сам заключил перемирие в Леобене. Директория только умильно улыбнулась, поджав хвост. А Бонапарт на этом не остановился. Он двинул свои войска против папы Пия VI.

В первой же битве войска папы были разбиты, и они бежали так быстро, что Жюно, преследуя их, два часа не мог догнать. Сколько денег, другого богатства потекло во Францию! Бонапарт был неумолим, накладывая контрибуции.

Наконец, после Леобенского перемирия Бонапарт заключил Кампо-Формийский мир. Почему опять Бонапарт, а не Директория? И почему она ему это позволяла? Дело было в Бонапарте и его победах. Потому что прекрасно вооруженная и накормленная армия под руководством генерала Моро, хваленого, гордого, имеющего богатый опыт, на которого была сделана главная ставка, под руководством которого готовы были служить Ожеро, Массена и многие другие генералы, несколько раз была бита австрийцами! И только блестящие победы (шесть дней – шесть побед) этого худенького, невзрачного, молоденького генерала спасли гордеца Моро от окончательного уничтожения, а Францию от унижения. И эта армия все требовала и требовала денег. А Бонапарт со своими оборванцами их давал, и довольно много. Кроме того, он в очередной раз спас Республику. Его солдаты в Триесте захватили в плен графа д'Антрэга. А при нем были бумаги, в которых говорилось об измене генерала Пошегрю, его тайных переговорах с принцем Конде, Фош-Борелем и другими. Но в одной из бумаг было сказано, что представитель роялистов Монгайар встречался и с Бонапартом. Правда, там не было сказано, что им обещал Бонапарт и обещал ли, но он посчитал это ненужным для Директории фактом. Приказал доставить к нему этого графа и заставил его переписать документ, выбросив его имя.

Баррас, получив тогда эти документы и встретив Ожеро с его армией, которую Бонапарт прислал ему на помощь, в 3 часа ночи 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года) приказал схватить всех предателей. Директория победила. Бонапарт прислал поздравление.

После всех этих побед Директория ласково, но настойчиво стала звать его в Париж, назначив его главнокомандующим армией, которая должна была действовать против Англии. Баррасу передали, что Бонапарт говорил в доверительной беседе: «Они завидуют мне, я это знаю, они курят фимиам под моим носом, но они меня не одурачат...». Разве за такие слова награждают?

И вот новое его триумфальное возвращение. Где он, там победы. Египет у ног Франции. Как можно его не отметить. Шарль был прав. Он все это узнал из газет. Да, он многое о нем знает, он не забыл 9-го термидора. Тонкий политик, он знал, что всякое может случиться. Надо еще раз все взвесить, во всем убедиться. Но как это сделать? На ум ему пришла одна идея.

Баррас был напуган возвращением Наполеона. Хотел, с одной стороны, его как-то задобрить, а с другой... Он этого не скажет. Но без помощи, например, Сийеса...

– Карету! – приказал он и поехал к Сийесу. В душе Талейран презирал его, зная о том, как он, завоевав доверие, тотчас забыл о своих намерениях и стал верным слугой крупного капитала. Но сейчас Сийес был вторым человеком в Республике и многое знал. О многом Талейран расспрашивать его не хотел. Ему хотелось знать только одно: как на все это смотрит сам Сийес. Может быть, намекнет о его разговоре (а он был, в это Шарль верил, что бы ни говорили) с Баррасом.

Тайлеран хорошо помнил некоторые заслуги Бонапарта, хотя бы то, как он с восьмьютысячным отрядом разгромил тогда двадцатипяти тысячную армию роялистов, расстреляв ее из пушек, и тем спас Республику. Сегодня Франция не в лучшем положении. В Италии полный военный крах, коррупция достигла невиданных масштабов, промышленность в застое. Вот-вот рабочие полки двинутся на Париж. Кто сейчас будет спасать Директорию?

Сийес принял общепризнанного лиса с распростертыми объятиями на пороге своего дома. Зная его изощренный ум, он уважал его и в то же время побаивался. Зачем иметь такого врага? Они прошли в кабинет. Это была большая светлая комната. Свет давали два больших окна с вычурными рамами. Боковые стены закрывали стеклянные шкафы, заполненные книгами. На тыльной стене висела карта Европы. Большая редкость. Около нее стоял резной круглый столик с двумя удобными креслами. Хозяин жестом показал на одно из них гостю, сам направился к письменному столу, извлек из тумбочки бутылку вина и бокалы. В качестве закуски были фрукты в тонкой хрустальной вазе, стоявшей на столике.

Он разлил вино и поднял свой бокал. Талейран взял свой и поднес его к носу. По запаху он определил, что это было одно из лучших бургундских вин. Сделав по несколько глотков, они отставили бокалы, и завязался разговор. Речь, конечно, зашла о положении Республики. Начал плакаться Сийес. Талейран его внимательно слушал, ни разу не перебив. Но когда он понял, что речь хозяина достигла апогея, вкрадчиво, как бы мимоходом, заметил:

– Вы правильно сделали, что вызвали Бонапарта.

Он явно прикинулся незнайкой.

Лицо Сийеса моментально стало каким-то каменным, и он глухим голосом промолвил:

– Кто сказал, что мы его вызвали?

– Извини, – выражение лица Талейрана изменилось. Если до этого оно выражало внимание, то сейчас его сменило безразличие. – Видимо, решил подлечиться, – бросил он и добавил: – Африка не каждому подходит.

Сийес ничего не сказал. Но напоминание о Наполеоне как-то подействовало на хозяина. Его словоохотливость пропала, и они вскоре расстались, заверив друг друга в истинной дружбе.

Вернувшись к себе, Тайлеран тотчас велел разыскать Жака, своего разбитного слугу. Дорогой он все обдумал и пришел к выводу: власть скоро изменится.

Бывает же так: не зная друг друга, два человека думали об одном и том же. Наполеон еще тогда, в Каире, узнав об истинном положении дел во Франции, пришел к выводу о необходимости смены существующей власти. Обдумывал он свое решение и в дни плавания. Бурная, восторженная встреча генерала наполняла его волю решимостью. И чем ближе он приближался к столице, тем увереннее чувствовал себя, понимая правильность своего решения.

– Слушаю, мой господин!

Задумавшийся Тайлеран не слышал, как вошел Жак. И только голос последнего оторвал его от глубоких дум.

– А, это ты! Слушай, Жак, ты должен мне найти человека, военного, лучше солдата, который хорошо знает Бонапарта, служил у него. Возьми, – и он подал ему кошелек.

Выйдя на улицу, Жак задумался:

– Найти военного не трудно, вон идет какой-то щеголь с дамочкой. Сразу видно – пороха не нюхал. Ндааа... – сказал он вслух и пошел направо.

Его глаза блуждали, отыскивая среди человеческой массы потрепанный рваный мундир. Он долго бродил, но нужного солдата так и не встретил. Ноги гудели, и он с тяжелым сердцем решил вернуться домой. Проходя мимо какой-то церквушки, он заметил на паперти двух инвалидов, которые собирали милостыню. Он уже прошел мимо, как его осенило: «А вдруг...». Он почти бегом направился к ним. Бросив в их шапки по луидору, он завел с ними разговор. Щедрая подачка развязала их языки. Да, они были когда-то солдатами. Но только не в армии Наполеона. Если он хочет встретиться с таким человеком, то может пойти в госпиталь и спросить там Мориса Жерю, наполеоновского капитана.

Поймав пролетку, он приказал кучеру гнать в госпиталь. В старом продавленном кресле сидел седоусый солдат. Из-под косматых бровей он недоверчиво посмотрел на приезжего. Сунутый в руку луидор сделал свое дело. Сошедшиеся на переносице брови разошлись, и оказалось, что у стража довольно доброе лицо.

– Так ты ищешь Мориса Жерю из Фруази? – переспросил он, выслушав Жака.

Тот кивнул.

– Здесь он. В десятой палате. Бедный капитан, – вздохнул солдат, – никто его не навещает.

– Навестят, – весело ответил Жак, усаживаясь в пролетку.

Приезжавший оказался прав. На следующий день под вечер, когда сумерки незаметно, но настойчиво стали прогонять день, к стражу госпиталя подошел какой-то хромавший мужчина. Одет он был в темный плащ до земли с глубоким капюшоном на голове, отчего его лица невозможно было разобрать.

– Я к Морису Жерю из Фруази, – сказал он глухим голосом и положил в руку солдата несколько монет.

Что это были большие деньги, сомнений у солдата не было. Соскочив со своего кресла, которое от радости громко вздохнуло своими натруженными пружинами, он изъявил желание его проводить.

– Благодарю вас, – вежливо ответил тот, – я сам его найду.

– Ну, иди. Вон в те двери, – и он показал рукой на единственную дверь, – повернешь направо, третья дверь. Он там один, бедняга!

Окно в комнате выходило на северную сторону, поэтому в ней царил полумрак, и вошедший не сразу увидел его кровать, стоящую в темном углу. И ему надо было приглядеться, чтобы заметить больного. Пришелец увидел у окна кресло, пододвинув его, сел у изголовья раненого. Тот лежал лицом к стене, прикрывшись мундиром. Таинственный посетитель тронул его за плечо.

– Проснись, Морис! – проговорил он.

Раненый простонал и медленно повернулся к нему.

– Живот болит, – пожаловался тот, осторожно поднимая перебинтованную левую руку, где виднелись только два первых пальца. Он для чего-то поднял подол рубахи и посмотрел на живот, который был широко перевязан. Мес-тами выступали темные пятна.

– Не заживает..! – и он ругнулся.

Потом посмотрел на пришельца и спросил, стараясь разглядеть его лицо:

– Ты кто?

– Ты меня все равно не знаешь, – сказал он.

Голос был приятным, и капитану понравился. Больше он не стал спрашивать, кто он такой, но спросил, чем он ему обязан своим посещением.

– Дело в том, что твой двоюродный дядя Гаспар...

Капитан, тряся раненой рукой, перебил его:

– Что-то я не припомню, чтобы у меня был такой дядя.

Незнакомец рассмеялся:

– Ты же из Фрюиси?

Тот кивнул.

– А он тебя помнит и просил меня, чтобы я тебе передал полторы тысячи ливров.

– Полторы тысячи ливров! – удивился Морис. – Да это целое состояние.

– Смотря для кого, – философски заметил незнакомец, отбрасывая полу плаща и доставая из кармана тяжелый кошелек. – Вот они! – и он положил кошелек на кровать рядом с капитаном.

Морис с опаской посмотрел на него, потом осторожно взял здоровой рукой и подбросил кошель.

– Да-а, – радостно воскликнул он.

Положив кошель на колени, открыл его. Даже в темноте золото источало свой свет.

– Будешь считать? – спросил незнакомец.

– Да...нет, – пряча его под подушку, произнес он.

– Где ранили-то? – показывая на руку и живот, спросил посетитель.

– Аа-а! – с неудовольствием в голосе произнес он. – У неверных.

– Уж не под Акрой ли? – оживился пришелец.

– Да, там, – в голосе звучало разочарование.

– Что это ваш победный генерал не взял эту крепость? Иль слава оставила его?

– Ты что? – взъерепенился капитан. – Наш генерал нас, солдат, пожалел.

– Странно, – не успокаивался посетитель, – солдат нужен для чего?

Капитан понял его.

– Наш Бонапарт нас пушечным мясом не считает. И если он видит, что победа достанется ему огромной кровью, он всегда найдет выход, чтобы этого не случилось.

Морис говорил это уверенным голосом. Было понятно, что он горой стоит за этого человека. Но посетителю этого было мало, и он продолжал вести свою линию.

– Что, крепость не по зубам оказалась?

– Только не ему, а нашему с...му Конвенту.

– Это отчего же?

– А оттого, – с прежним пылом отвечал капитан, – что у нас не было осадных орудий. Да и англичане здорово мешали. Как только мы шли на штурм, подходил их флот и начинал нас обстреливать. А мы не могли ответить, так как не было пушек. Шли-то по пескам, а по ним их не протащить, – пояснил он. – Сколько раз Бонапарт обращался к Конвенту, чтобы нам прислали осадную артиллерию и флот, чтобы отогнать англичан, – он замолчал, потом с горечью добавил: – А те наплевали на нас. Вот генерал и решил уйти обратно в Каир, – он выразительно посмотрел на гостя.

Какое-то время они молчали. Потом гость спросил:

– Я вижу, у тебя тяжелое ранение, как ты спасся?

Морис усмехнулся:

– А все благодаря Бонапарту. Раненых было много. Но он ни единого не бросил. Чтобы нас везти, он приказал у всех офицеров забрать лошадей и запрячь их в повозки, – он замолчал, потом, что-то вспомнив, усмехнулся.

Незнакомец вопросительно посмотрел на него. Но из-за сгустившейся темноты раненый не видел его взгляда. Тогда тот, поняв, спросил:

– Ты что..?

– Да вспомнил один момент насчет лошадей.

– Не поделили?

– Да нет! Как генерал своего конюшего высек.

– Да? И как?

– Да тот пришел к нему и спросил, какую лошадь ему оставить, – сказав, он опять начал ухмыляться.

Незнакомец не выдержал и переспросил:

– А тот?

– А что тот! Высек его плетью и в ярости закричал: «Всем идти пешком! Я первый пойду! Что, вы не знаете приказа? Вон!». Вот такой наш генерал.

После этих слов он здоровой рукой вытер глаза.

– А ты давно его знаешь? – незнакомец приподнялся и подвинул кресло поближе к кровати.

– Считай, с самого начала.

Ответ гость все же решил уточнить:

– Это когда он расстрелял роялистов?

– Нет. Когда приехал к нам в «итальянскую» армию.

Гость вспомнил, как Карно предложил тогда Наполеона Директории, ибо никто другой из уважавших себя генералов ехать в эту армию не хотел.

– Что он там изменил?

Прежде чем ответить, Морис задумался. Понятно было, что на того нахлынул поток воспоминаний. Чтобы услышать ответ, гость сказал:

– Я слушаю.

– А... Да. Помню, как к нам ворвались капралы и завопили: «Выходи строиться!» А в чем выходить! Сапог нет, мундиры все в дырках, того и гляди разорвутся.

На этом он остановился, лицо посуровело. По всему было видно, что этот момент воспоминаний был не очень приятен.

– Ну, – не выдержал гость, – построили?

– Построили.

И стал рассказывать, как генерал приговорил интенданта к расстрелу. Морис замолчал. На его лице появился пот. Видать, силы не позволяли еще ему так долго и к тому же с возбуждением говорить. Он подолом рубахи обтер лицо. Гость стал терпеливо ждать, когда он отдышится. Когда он посчитал, что можно задавать вопросы, спросил:

– И что расстреляли?

– Тут же! – с какой-то гордостью ответил тот.

– Ну а дальше?

– Дальше... Хм. Дальше он обратился к нам, точных слов не помню, но смысл такой: «Солдаты, скоро мы пойдем на врага...». И повел... он повел нас в Италию трудной, но короткой дорогой, под пушками англичан. Зато вскоре мы были в Италии. И начали громить врага. Помню, это под Лоди. Надо было взять мост, который обстреливали австрийцы. Первое наступление отбито, второе – отбито. Тогда мы видим, что наш главнокомандующий лично пошел на врага. Я выскочил – и за ним. Бегу, а сам думаю: «Пойдут или нет за ним наши гренадеры?» Пошли! Да так пошли, что австрияки бежали от нас, оставив 15 пушек и кучу убитых и раненых. Вот тут я стал лейтенантом. Перед строем лично главнокомандующий вручил мне эти погоны.

Воспоминание заметно расстроило капитана. Он вновь прибег к подолу, чтобы вытереть глаза.

– Не будь ранен, ты бы с ним и дальше остался воевать? – осторожно спросил гость.

– А я не собираюсь его бросать. Подживут раны, и я снова в строй. Я благодарю Бога, что меня ранило в левую руку и оставило два главных пальца. Ружье могу держать! И я, как и все мы, солдаты, жизни не пожалею за своего генерала!

Гостю все стало ясно, можно и прощаться. Он встал:

– Благодарю тебя, капитан, за твой рассказ. Желаю быстрее выздоровления. Прими и от меня небольшой подарок, – и он высыпал ему на кровать из своего кошелька сотни полторы ливров и протянул ему руку. Капитан с усилием поднялся и пожал ее. По этому пожатию гостю стало понятно, что мечта солдата сбудется.

Когда он вышел, дежуривший страж спросил:

– Ну, свиделись?

– Конечно! Спасибо!

– Заходи еще, дай Бог тебе здоровья.

– Зайду.

Уже сидя в кабриолете, он как бы подвел черту своему посещению, сделав главный для себя вывод: ставить надо на него.

На следующий же день министр иностранных дел Директории, то бишь Талейран, умнейший карьерист, начал действовать увереннее. Уверенно – это значит не идти напролом. Все обдумав, он все же начал с... Сийеса. Он пригласил его на тайную встречу. Они обсудили, кто первый может подняться против передачи власти Бонапарту. И пришли к выводу, что якобинцы. Не все они были уничтожены, а которые остались, создали Союз друзей свободы и равенства. Он насчитывал до 5000 человек и свыше 250 мандатов в обоих Советах. Это была еще сила. Сийес, подговорив Гойе и Мулена, обойдя Барраса, ликвидировал этот Союз. Первый шаг был сделан.

Теперь Шарль взялся за банкиров. Многих – кого посулами, кого угрозами – он заставил раскошелиться, а деньги пошли на подкуп. Но чем больше он встречался с людьми, тем сильнее убеждался в том, что не только он один так думает. Многие видели, что Баррас и Директория в целом скомпрометировали себя, что только Бонапарт в состоянии спасти Республику. Главной их целью было сделать этого решительного и твердого генерала главой Республики.

Двадцать четвертого вандельера генерал Бонапарт под рев торжествующего народа прибыл в Париж. Надо было видеть эту встречу. Десятки тысяч парижан за несколько лье от столыцы встречали своего кумира. Они готовы были нести его карету на руках. В самом городе было настоящее светопреставление.

Назавтра Директория дала прием в его честь. Зал был набит битком. Представители Совета пятисот и Совета старейшин, приглашенные гости. Приезд кумира задерживался. Будь другой подобный случай, люди бы не стали ждать, а подняли бы такую «волну», что усидеть в зале было бы невозможно. А тут гробовая тишина.

– Генерал Бонапарт! – раздался чей-то голос.

Он вошел в зал с тыльной стороны. И по мере его подхода к сцене, где находилась Директория, зал вставал и бурно его приветствовал. Такого громкого, восторженного выражения своих чувств зал не слышал со дня падения Людовика XVI. Можно было подумать, что явился Спаситель мира. А он шел уверенно, с застывшим, непроницаемым лицом. Только изредка кивал то в одну, то в другую сторону.

Баррас спустился со сцены, чтобы поддержать героя, но тот легко и свободно поднялся наверх. Баррасу пришлось почти бегом подбежать к столу и, взяв саблю, встать перед Бонапартом.

– Дорогой и почтенный наш генерал, гордость Республики, победитель императоров и королей, – напыщенно начал речь Баррас.

Но Бонапарт тут же его поправил:

– Воюют полководцы, а те подписывают только капитуляции.

Зал засмеялся и дружно стал хлопать. Все поняли намек. Но Барраса трудно было сбить. Когда смолкла авация, он продолжил, бросив в адрес Бонапарта:

– При таких полководцах, как вы, – он слегка ему поклонился, – нам никогда не придется подписывать капитуляции.

– К тому же у нас нет королей, – эта реплика, сказанная вполголоса, но услышанная многими, принадлежала Шарлю.

Неизвестно, слышал ли Баррас ее или нет, но он продолжал воспевать заслуги стоявшего перед ним Бонапарта. А тот не то слушал его, глядя куда-то в сторону, не то о чем-то думал. Лицо его было серьезным. Он повернул к нему голову, когда тот заканчивал судя по интонации свою пылкую речь:

– Итак, Директория награждает вас этой... э... – он запнулся.

– Саблей, – кто-то шепнул сзади.

– Э... Этим оружием, – и вручил ему саблю.

Бонапарт принял ее, глаза радостно сверкнули. Он пробежался взглядом по ножнам, на мгновение застыл на рукояти, потом стал извлекать саблю наружу. По мере выдвижения она все сильнее сияла своим смертельным блеском. Наверное, в это мгновение ему слышался гром канонады, грозный лошадиный топот и яростный вой кавалеристов. Глаза его пожирала лезвие, на котором отражался отблеск свечей. Когда сабля целиком оказалась снаружи, он, сделав замысловатое движение, показал, что отлично владеет этим оружием. Затем прикоснулся к ней губами, осторожно, точно это была стеклянная реликвия, спрятал ее в ножны. Подойдя чуть ли ни на край сцены, глядя в зал, сказал:

– Клянусь, во имя величия Франции я не пожалею и собственной жизни.

Талейран, оказавшись рядом с Сийесом, шепнул ему на ухо:

– Готовьтесь, французы, умирать за Францию, если уж он не пожалеет своей жизни, о других и говорить нечего.

– Так зачем вы его... – Сийес не договорил.

– Пока Франции другого не дано, – поняв его, ответил Шарль.

Но собравшимся его слова понравились. Зал стоя долго, бурно и восторженно приветствовал его слова. Талейран, хлопая со всеми, опять не удержался, чтобы не шепнуть Сийесу:

– Предложи им, – он кивнул на зал, – избрать его первым консулом, они немедленно поднимут руки.

Тот согласно моргнул глазами.

По всему было видно, что эта первая военная награда, та обстановка, в которой проходило награждение, на всю жизнь врежутся в память Бонапарта. Этот подарок стал для него очень дорогим. А с такими не расстаются всю жизнь. Разве что в особых случаях.

Глава 4

Графиня Жозефина Богарнэ, одна из прекраснейших женщин Парижа, на этот раз дольше обычного задержалась в гостях у своей дочери – красавицы Гортензии, мало в чем уступавшей своей матери. Графиня заигралась со своим внучком. Она даже не скрывала от дочери, что внучонка любит сильнее, чем ее и сына Евгения.

– Не обижайся, – говорила она ей, видя, что при этих словах та обидчиво надувалась, – ты это поймешь, когда сама станешь бабушкой.

Маленький внучок был подвижным, шаловливым мальчиком. Он часто донимал и смешил свою бабулю разными, порой нелепыми вопросами. Ну, например, такими: «Почему ты носишь юбки?» И тут же сам отвечал: «Ты прячешь свои страшные ноги!» Это не оскорбляло бабушку, ибо она прекрасно знала, что они у нее очень красивы. Это она слышала от многих мужчин, отменных знатоков прекрасного. Поэтому она от души смеялась над словами внучонка и прेमилно говорила, что это не так. Хотя ей было интересно, кто мог научить такому мальчишка. Тот долго не запирался и с детской наивностью сказал, что это садовник Жан. Тому, бедняге, пришлось потом долго оправдываться.

Хотя графиня и называла себя бабушкой, но она была весьма молодой бабушкой. Она выдала замуж свою дочь чуть ли не девочкой. Да ее и саму, темпераментную креолку, в свое время поджидала такая же судьба. Жозефина Гаспар де Таше родилась на далекой солнечной Мартинике. Ее мать, аборигенша Роза Клер, произвела на свет дочурку от мужа-француза, наградив ее всеми прелестями местного колорита. Как все южные женщины, Жозефина созрела быстро. По мере взросления в ней развивалась присущая креолкам грация, наполненная плавностью, мягкостью, порой раскованностью и даже леностью. Похотливые взгляды мужчин все чаще останавливались на этом юном создании, грозя семье большими неприятностями. На это первой обратила внимание ее тетка Мария Дезире Реноден. Она хорошо знала жизнь острова. Ей было известно, что главную опасность представляли матросы, которых здесь много было.

Тетка пришла к сестре, матери Жозефины, и предложила скорее выдать дочь замуж.

– А то гляди, как бы не принесла в подоле.

– А где взять жениха? – поинтересовалась та.

– Есть! Да еще какой! Граф!

На острове была одна графская семья по фамилии Богарнэ. Граф, генерал-губернатор острова, был равнодушен к жгучей креолке Марии, тете Жозефины. У Богарнэ был сын Александр, лейтенант королевской армии. Вполне самостоятельный человек. Когда жених увидел свою будущую невесту, на короткое время потерял даже дар речи.

Свадьба состоялась, и они уехали в Париж. Поселились на улице Тевеню. Их дом был угрюмый, холодный, застывший в своей пышности. Вскоре в Париж переехал и сам Богарнэ, который не мог оставить на Мартинике свою любовь. Таким образом, тетка оказалась рядом.

Грянула революция. Графа Александра Богарнэ за предательство интересов Республики приговорили к смертной казни. Гильотина работала безотказно. Жозефина стала вдовой, несмотря на свой юный возраст, с двумя детьми и без средств к существованию. И вдовой ее сделали эти злые якобинцы. Правда, ходили слухи, что якобы это было сделано исключительно из-за его прекрасной жены, в которую влюбился один из видных деятелей революции.

Удрученную, горящую племянницу тетка не оставила и привела ее в салон мадам Терезии Тальен. Завсегдатаями были там разные пройдохи, развратники, карьеристы, жулики... Чтобы попасть в такой салон, женщина должна была показать тело. Жозефину не надо было учить. Она преподнесла себя с таким искусством, как будто занималась этим постоянно. Однажды там побывал Баррас. И вскоре этот «двигатель» революции оказался у ее ног. Жизнь

повернулась к ней своей солнечной стороной. Казалось, этому не будет конца. Но все полетело к чертям, когда она увидела там странного человека. Он сильно хромал. Его горящие глаза, казалось, так и просвечивали людей. Его взгляд упал на ее стройную, гибкую фигуру. Она поняла, что очаровала его своим вздернутым носиком, внутренним огнем и знойной томностью. А он подумал: «Вот это находка! Она окупит многое».

Утром следующего дня у подъезда ее дома стоял замечательный экипаж. Высокий молодой кучер постучался к ней в дверь:

– Вы графиня Богарнэ? – спросил он, сняв картуз.

– Я, – ответила она. – Что вам угодно?

Он прокашлялся, а потом спросил:

– Куда ставить карету и куда отвести лошадей?

– Какую карету, каких лошадей? – удивилась она.

– Ваших!

– Моих?

– Да, ваших, – кучер зачем-то поклонился.

– Откуда они? – продолжала она его допытывать.

– Вам их дарит господин Талейран.

Она пошла посмотреть подарок с намерением отослать его обратно. Но когда увидела, поняла, сколько завистливых глаз будут глядеть на нее. И... отдала распоряжение.

Когда они встретились, он попросил ее об одном: чтобы об этом подарке не знал Баррас. Она сдержала свое слово. Это было легко, потому что об этом ее никто не спрашивал. Ибо, глядя на нее, думали о другом.

Попался в ее сети и молодой, но уже прославленный генерал. Не обошлось здесь и без злого умысла. Талейран, проницательный, вездесущий политик, заботясь о своем будущем, к тому же обиженный Баррасом, весьма высокопоставленным лицом, решил ему отомстить и заработать себе кое-какие шансы.

Молодой генерал, о котором говорил и восторгался весь Париж, на лестнице в Директории нечаянно столкнулся с одним человеком, в результате чего тот упал. Генерал, извиняясь, помог ему подняться.

– Ничего, это бывает, – миролюбиво ответил пострадавший и попросил: – помогите мне, пожалуйста.

Генерал подал руку. Несмотря на свой невысокий рост и худобу, рука у него оказалась крепкой. Генерал и пострадавший, опираясь на руку виновника своего падения, прихрамывая, подошли к двери, ведущей на улицу.

– Вам туда? – кивнул головой пострадавший, показывая на выход.

– Да!

Выйдя, они разговорились. Генерал узнал, что пострадавший прихрамывает с раннего детства. Кроме того, он оказался интересным, наблюдательным человеком. Они долго стояли, обсуждая разные вопросы. Перед расставанием Шарль, так он назвал себя, пригласил генерала сходить куда-нибудь развлечься.

– Бонапарт, – представился и генерал.

Немного подумав, он дал согласие на предложение Шарля.

– Я заеду за вами, – сказал тот и подозвал извозчика.

На этом они и расстались.

Генерал уже не думал, что они встретятся. Но Шарль оказался человеком слова. Через некоторое время, под вечер, он появился в скромном Шербурском отеле на улице Фур-сен-Оноре и тихо постучал. Генерал открыл дверь. Перед ним стоял Шарль с гладко выбритым лицом и длинными, как у священника, волосами.

– Извините, господин генерал, – эти слова прозвучали мягко, но с внутренним почтением, что не могло не понравиться хозяину, и он широким жестом пригласил его в комнату.

– Явился, как и обещал, – сказал тот, усаживаясь на стул, предложенный генералом.

Гость оглядел комнату.

– Да, – протянул он, – так живут генералы у революционеров.

Наполеон насторожился: уж не провокатор ли какой? Ему тотчас припомнились сырые стены Форт-Карре. Появилось даже желание выставить его за дверь. Но тот, глядя на него, прочитал в глазах свой приговор и постарался быстро исправиться.

– Вы не подумайте чего-нибудь плохого. Кстати, я тогда не полностью представился: Шарль Морис Талейран-Перигор, бывший епископ Отенский, бывший королевский министр, – при этих словах он скривил рот. – Потом меня подобрал... Баррас. К вашим услугам, министр иностранных дел.

Увидев удивление на лице Бонапарта, Шарль рассмеялся:

– Вы, генерал, удивлены. Понимаю. Во-первых, я только назначен, а во-вторых... – он замялся.

Бонапарт понял его.

– Вы хотите сказать, что я еще не дорос, чтобы знаться с такими министерствами, как ваше!

– У вас все впереди, – нашелся Талейран и сделал изящный поклон.

Да, Бонапарт был удивлен. Это правильно заметил Шарль. Генерал не мог и предполагать, что люди такого ранга так запросто могут появляться в таком скромном месте, в котором он обитал. А тот продолжал, вероятно, поняв, что своим представлением он изменил настроение молодого человека.

– Я сам революционер, а им не присуще высокомерие. Я отказался от сана епископа. Я люблю Францию и хочу для нее только хорошего. В вас, мой генерал, я увидел того человека, который может сделать ее счастливой страной.

Он говорил еще долго. Речь его была гладкой и даже красивой. Когда он закончил говорить, они рассмеялись, сомнение рассеялось. Бонапарт почувствовал, что его слова сблизили их. Шарль предложил поехать в салон мадам Терезии Тальен. Там Бонапарт увидел графиню Жозефиню и влюбился в нее с первого взгляда. Их познакомили. Худенький генерал не произвел на нее никакого впечатления. Но она не знала, с кем встретилась.

Любовная страсть так захватила генерала, что он немедленно пошел на «штурм». Его напор, настойчивость и решительность были настолько сильны и неотразимы, что она долго не могла раздумывать. Он потребовал немедленного венчания. Правда, невеста попыталась остановить жениха, сказав, что она старше его и что у нее двое детей. Она даже отыскала мать Бонапарта, и та, узнав об этом, выступила категорически против женитьбы сына. Но все было напрасно, даже ей, любимой своей матушке, он отказал, настолько сильно было его чувство. Настойчивый генерал продолжал энергичные действия в этом направлении.

Но самым страшным для Жозефины было... предательство близкого ей человека Барраса, который подключился к тому, чтобы она согласилась на предложение генерала. Он рисовал перед ней в ярких красках прекрасное будущее этого человека. Она не понимала его. Только что он говорил, что дороже ее у него нет ничего на свете. И что это... Он боится Бонапарта? Голова шла кругом. А без поддержки крепости, как правило, сдаются. Сдалась и она. Это случилось 9 марта 1796 года.

Едучи из церкви в ее дом, новоиспеченный муж был молчалив, сосредоточен. И только его глаза горели хищным, нетерпеливым огнем. Его молчание позволило ей предаться сладким мечтаниям. Свое ближайшее будущее она видела в том, что они где-нибудь в уединенном месте снимут уютное гнездышко и проведут там пару месяцев, предаваясь сладким утехам. Но каково же было ее удивление, когда генерал на третий день совместной жизни вдруг

объявил, что он завтра уезжает в ... армию! Причем это было сказано таким тоном, а взгляд его был так выразителен, что она почувствовала ту его покоряющую мощь, ту силу его духа и власть интеллекта, против которых у нее не было ни сил, ни желания протестовать. Она безропотно покорила свою судьбу, поняв, почему и другие подчиняются его всепобеждающей воле. Ей стало ясно, что она попала в клетку, выбраться из которой сможет только по его желанию. И она не знала, радоваться ей или нет. Успокаивало только одно: судя по всему, жизнь ее будет непростой. Чутье не подвело. И даже более того. На зависть своим подружкам, у которых когда-то искала поддержки и опоры, она взлетела так высоко, что за всю историю человеческого общества можно было найти мало подобных примеров. Теперь те, кто с презрением когда-то посматривал на нее, порой оскорбляя разными грязными словами, готовы были ползти перед ней на четвереньках, только чтобы она позволила им это сделать.

Но... все течет, все изменяется. Река жизни подмывает порой и гранитные берега, нанося тяжелые удары. Так случилось и с ней. Со временем они расстались. Это был первый удар. Но она ни в чем не винила супруга, понимая, что причина такой развязки заключалась в ней. Уж он так сильно хотел ребенка, но, увы... Она сделать этого не могла. Но знала, верила, что ее образ в его сердце занимает по-прежнему первое место. А главное, он оставил за ней свое любимое творение – дворец Мальмезон. Кстати сказать, оно было приобретено по ее желанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.